

**РОЖДЕНИЕ ПОЭЗИИ ИЗ ДУХА НИЦШЕ
[КАМПАНА Д. ОРФИЧЕСКИЕ ПЕСНИ / ПЕР. С ИТАЛ.,
ВСТУП. СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ П. ЕПИФАНОВА.
М.: РЕКА ВРЕМЕН, 2019. 232 С., ИЛЛ.]**

В недавнем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе израильский историк-медиевист Юваль Ной Харари, автор книг «Sapiens: Краткая история человечества» и «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня», поделился прогнозами насчет ближайшего — буквально лет через сто — будущего человечества. Прогнозы, прямо сказать, звучат для сегодняшнего уха страшновато, заинтересовавшиеся могут пройти по ссылке и ознакомиться лично: <https://bykvu.com/bukvy/84181-bolshinstvo-lyudej-ne-ozoznayut-chto-proiskhodit-rech-izrailskogo-istorika-v-davose>. Свою речь уважаемый историк заключил словами: «Кому же должна принадлежать информация? Честно, не знаю. Дискуссия об этом только началась. Нельзя ждать немедленного ответа на этот важный вопрос. К обсуждению должны подключиться ученые, философы, юристы и даже поэты. Особенно поэты! Ведь от ответа на него зависит будущее не только человечества, но и самой жизни на планете».

Надо же, — подумали мы в редакции. Век, если перефразировать Цветаеву, подумал о поэтах. Значит, действительно пахнет чем-то серьезным.

Роль поэзии, пребывающей ныне практически вне информационного поля, должна быть переосмыслена нами в русле творчества языка и личности, которое не прекращается ни в какой век. Не стоит *пропускать* ни одного значительного явления в этой области — следует заново научиться *пропускать через себя* то, что появляется на литературном поле, как в области родной литературы, так и в сфере переводов. В этом, кстати говоря, залог и свободного философствования, особенно на русской почве: вспомним, что Владимир Соловьев был поэтом и русская философия во многом возникла из поэзии. И в этом контексте обратим внимание на первую по-русски книгу итальянского поэта Дино Кампаны (1885–1932), поэта-философа, поэта-мечтателя, чтобы не сказать мистика, чьи произведения во многом питались философией Ницше.

Однако в поэзии Кампаны нет ничего «сверхчеловеческого» и даже «слишком человеческого». Нельзя сказать, будто бы этот итальянский отверженник-одиночка развивался в русле жизнетворчества; нет, он органично *жил* в этом русле и по-другому, цивилизованно, не мог и не умел. *Не слишком человеческая* природа Кампаны не была приспособлена к социальному существованию; не имея намерений разрывать индивидуальный общественный

договор, он его уничтожил потому только, что не получилось иначе; не будучи сумасшедшим от природы, стал им, поскольку ни сам он не знал, как приспособить себя к общепринятым моделям поведения, ни социум не понимал, как сочетать подобную личность с другими.

Переводчик Петр Епифанов традиционно берется за прививку к русской культуре именно зарубежных «дичков», поэтов и философов, оказавшихся на периферии, оставшихся на обочине, едва не упавших, окончательно и бесповоротно, в щель посмертного небытия. Среди них Антония Поцци и даже философ Симона Вейль, хотя ее нельзя с полным правом причислить к кругу забытых. Порой лишь чудом их произведения через поколение или даже два возвращаются к читателям; П. Епифанов стремится внедрить их в русскую культуру, лишенную за годы советской власти присущего ей важного компонента — странничества и странноприимства. Возвращение этой естественной, органичной черты через переводную литературу, через уроднение в читательском сердце атипичных, угловатых, апарадигмальных, если угодно, фигур — важная задача и важный вектор современного интеллектуального развития.

Работы Ницше «Веселая наука» и «Рождение трагедии из духа музыки» вдохновили Кампану на поиск поэтических средств выражения дионисийско-восторженного чувствования природы. «Первый вариант книги Дино, — пишет переводчик, как обычно, сопроводивший издание обширным предисловием и комментариями, — которая впоследствии, после значительной переделки, станет “Орфическими песнями”, будет содержать в себе множество аллюзий на Ницше и цитат из него. В окончательном варианте это останется лишь в опосредованной форме. Но и впечатление от прочитанного у Ницше, и, кажется, его чисто личное обаяние будет довлеть над Кампаной постоянно, и многие места его поэзии и прозы именно в этом контексте можно лучше понять и прочувствовать. Не обязательно при этом обращаться к Ницше за “расшифровкой” Кампаны или видеть в нем верховную санкцию того, что думает и пишет Кампана. Но, например, необходимый контрапункт к теме женского Божества Кампаны, к женским образам-путеводителям (они же “маски”, по Ницше, или “завесы”, как предпочитает выражаться Кампана) составляют афоризмы Ницше о женщинах <...>». Теория Ницше «позволила и Кампане осознать собственный жизненный и творческий путь как трагедию в античном смысле. <...> книга, которую Дино называл “единственным оправданием всего своего существования”, определялась им как “трагедия”. Ни одна из ее составных частей не имела сюжетных признаков этого жанра, но по восприятию собственного пути как высшего долга, по чувству неотвратимости предначертанной ему судьбы, герой Кампаны, пожалуй, стоит

ближе к героям Эсхила и Софокла, чем персонажи трагедии новоевропейской».

Что к этому добавить? Разве что напоминание о трагедии «Владимир Маяковский». И о том, что в самоименовании Дино Кампаны «последним германцем Италии» звучит, пусть и печальный, отзвук диалога культур, который не всегда бывает оптимистическим. И, конечно, несколько слов самого поэта.

Смеется воздух; и труба долин, взывая,
Пронзает горы, и копейщиков отряд
Сбегают вниз (в руках живые копья — и горят
У нас сердца), бежит, ручьи пересекая.
С высот слетая в полный блесков воздух,
Весь напряжен и трепетен, меж круч
Дрожит, в потоках раздробляя луч,
Двоих сердец соединенных отзвук...
Мост пробежавши длинной вереницей,
Вакхическое пенье гулким следом
Оставили: гора гудит ответом,
И пенье средь листвы еще кружится.